

КОГДА ЧУЖОЙ ПАЗЛ
СТАНОВИТСЯ ТВОИМ РЕШЕНИЕМ

ТЕНЬ ФЕНИКСА

ДЖОНАТАН МЕРСЕР

ТЕХНОЛОГИЯ
КОНТРОЛЯ,
ЗАМАНЧИВО
СКРЫТАЯ
В ОБЫЧНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ

18+

Джонатан Мерсер

Тень Феникса

<https://litres.ru/74422329>

SelfPub; 2026

Аннотация

Декабрь 1991 года. В закрытой лаборатории рождается проект «Феникс» — концепция психологического воздействия, основанная на пугающей идее: человеческое решение можно сформировать незаметно, разбив воздействие на множество безобидных фрагментов.

Спустя годы журналист Дэвид Эймс расследует исчезновение молодой женщины и обнаруживает мир антикультовых организаций, психологических теорий, общественной паники и влиятельных экспертов, где страх перед невидимой угрозой превращается в самостоятельную индустрию.

Спустя десятилетия расследование продолжает его дочь Сара — аналитик, доверяющая цифровым следам. Серверы, бот-сети, банковские транзакции и международные финансовые цепочки начинают совпадать с документами времён холодной войны.

Сара понимает: кто-то научился использовать страх как оружие. Но что, если настоящая цель — управление реакцией целого общества? Заставить его бояться, требовать контроля и считать свободу угрозой.

Джонатан Мерсер

Тень Феникса

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Несмотря на использование отдельных реальных исторических событий, общеизвестных фактов, названий организаций, учреждений и имен общественных деятелей, сюжет, персонажи, диалоги, частные встречи, тайные операции, мотивы и связи между ними созданы или художественно переосмыслены автором.

Вымышленные действия, высказывания и обстоятельства не следует воспринимать как утверждения о реальных лицах или организациях. Любое сходство вымышленных персонажей и событий с реальными лицами и обстоятельствами, за исключением явно обозначенных исторических фактов, является случайным и непреднамеренным.

Пролог

Декабрь 1991 года. Снег густо засыпал внутренний двор закрытого научно-исследовательского института на окраине Москвы. В подвальном комплексе монотонно гудели трансформаторы, согревая воздух, пропахший озоном.

Игорь Смирнов стоял у мерцающего экрана осциллографа. На столе перед ним лежала стопка электроэнцефалограмм — длинных бумажных лент, испещренных рваными пиками чужих мозговых ритмов. В соседнем помещении, за

толстым стеклом, в стоматологическом кресле сидел молодой солдат-срочник. На его голове крепился шлем с десятком электродов, а перед глазами с бешеной скоростью мелькали визуальные фрагменты: кадры кинохроники, геометрические фигуры, короткие текстовые команды. Солдат не спал, но его лицо оставалось абсолютно безмятежным, лишенным осмысленного выражения.

Тяжелая металлическая дверь лязгнула. В лабораторию вошел человек в гражданском шерстяном пальто. Полковник Пятого управления КГБ, чье ведомство формально находилось в стадии ликвидации вместе со всей страной, не выглядел растерянным. Он методично отряхнул снег с воротника и подошел к стеклу.

— Здание отключат от резервной сети в пятницу, Игорь Викторович, — произнес полковник.

— У меня незаконченная серия тестов, — Смирнов не оторвал взгляда от приборов. — Требуется еще две недели для калибровки визуальных стимулов.

— Серия окончена. Мы меняем формат работы. Пазловое кодирование, — констатировал полковник, доставая из внутреннего кармана пальто тонкую картонную папку. — Вы утверждали, что для активации не нужен прямой вербальный приказ.

— Приказ вызывает осознанное сопротивление. Сопротивление — это воля, — Смирнов повернулся к гостю. — Мы дробим стимул на части. К примеру, первый фрагмент

человек получает из телевизионных новостей, второй — из популярной музыки, третий — из случайного уличного плаката. По отдельности они безвредны и не фиксируются критическим мышлением. Но когда подсознание собирает их вместе, запускается программа. Человек берет в руки оружие, будучи абсолютно уверенным, что это его собственное, выстраданное решение.

Полковник положил папку на стол. На обложке не было ни гербов, ни печатей. Только одно слово, выведенное машинописным шрифтом: «Феникс».

— Прямое противостояние с Западом окончено. Мы проиграли экономику, — голос полковника звучал ровно. — Но их сила — это их слабость. Свобода слова, свобода совести, открытое общество, презумпция невиновности. Мы используем их институты против них самих. Мы заставим их бояться собственных соседей. Бояться собственных детей. Когда демократические процедуры начнут ассоциироваться с неконтролируемым кровавым хаосом, они сами попросят сильную руку, чтобы навести порядок.

Смирнов открыл папку. Внутри лежал список имен — американские и европейские активисты, психологи, юристы.

— Это борцы с культами, — Смирнов перелистнул страницу. — Радикалы. Они делают карьеру на поиске сатанистов и сект.

— Именно поэтому они идеальны, — полковник постукивал пальцем по списку. — Они уже создали инфраструктуру.

ру страха на Западе. Они умеют стигматизировать меньшинства, умеют работать с таблоидами, умеют давить на суды через обеспокоенных родителей. Мы дадим им наукообразную методологию. Мы дадим им финансирование через подставные европейские фонды. Они станут нашими инквизиторами на их территории.

— Регрессивный гипноз вскроет вмешательство, — возразил ученый. — Любой грамотный психиатр при глубоком опросе выявит искусственные закладки в подсознании стрелка.

— Мы об этом позаботились.

Полковник вытащил из папки отдельный лист. Это был черновик устава новой американской организации.

— В ближайшие месяцы эти же люди, которые сейчас кричат о сатанинских ритуалах, начнут массированную кампанию по дискредитации регрессивного гипноза. Они докажут в судах, что любые восстановленные воспоминания — это ложь, внушенная терапевтом. Юридический механизм будет заблокирован. Ни один суд не примет показания жертв. Никто не сможет доказать, что человек был запрограммирован.

Смирнов долго смотрел на документ. Стратегия предполагала двустороннюю игру: сначала профинансировать панику, а затем руками тех же активистов уничтожить единственный терапевтический инструмент, способный выявить реальное психотронное воздействие.

— Вы передаете технологию контроля над разумом лю-

дям, которые прикрываются защитой традиционных ценностей? — тихо спросил ученый.

— Проект «Феникс» активирован. Готовьте архивы к транспортировке в Ригу.

Полковник развернулся и пошел к выходу. Металлическая дверь захлопнулась, оставив Смирнова наедине с гудящими трансформаторами и солдатом за стеклом, который продолжал смотреть в мерцающий экран.

Глава 1

Искусственный кошмар

Снег над Арвадой шел третьи сутки, превращая пригород Денвера в белую, глухую пустошь. Тяжелые хлопья ложились на покатые крыши одноэтажных домов, заматали подъездные дорожки и глушили любые звуки, кроме монотонного воя ветра. Журналист Дэвид заглушил мотор своего арендованного седана, но выходить на мороз не спешил. Сквозь лобовое стекло, наполовину затянутое ледяной коркой, он рассматривал нужный дом. Здание из темного кирпича с узкими окнами выглядело неприступным, словно крепость, возведенная для защиты от враждебного внешнего мира. Никаких рождественских гирлянд, никаких снеговиков на лужайке — только расчищенная до самого бетона узкая тропинка, ведущая к массивной дубовой двери.

В прихожей было темно и сыро. Миссис Миллер, женщина с плотно сжатыми бескровными губами и глубокими те-

нями под глазами, забрала заснеженное пальто гостя. На ее щеке тускло блеснул массивный православный крест. Стены коридора украшали византийские иконы в тяжелых окладах, строгие лики которых, казалось, неодобрительно взирали на чужака. В этом доме царила атмосфера не просто религиозности, а жесткого контроля, где каждый вздох должен был сверяться с невидимым сводом правил.

— Проходите в гостиную, — тихо произнесла хозяйка, не поднимая глаз. Ее голос дрожал, выдавая крайнюю степень нервного истощения. — Мистер Патрик уже заканчивает с вещами.

Звук отрываемого упаковочного скотча резал густую тишину дома, как хирургический скальпель. В центре просторной гостиной, прямо на персиковом ковре, возвышалась гора прозрачных пластиковых контейнеров. Между ними методично передвигался высокий мужчина в отутюженной черной водолазке и дорогих шерстяных брюках. Тед Патрик, самый известный в стране «консультант по выходу», совершенно не походил на фанатика или религиозного спасителя. Своими точными, выверенными движениями он больше напоминал страхового агента, описывающего имущество после пожара.

Мистер Миллер, грузный мужчина с седеющей бородой, сидел в кресле у камина, ссутулившись и сцепив руки в замок. Он кивнул журналисту, но даже не попытался встать.

— Вы из редакции, — констатировал Патрик, не отры-

ваясь от своего занятия. Он аккуратно укладывал в коробку стопку свитеров. — Проходите, садитесь. Только ничего не трогайте. Здесь каждый предмет может оказаться частью психологической привязки.

Дэвид достал из портфеля диктофон и блокнот, устроившись на краешке дивана. На журнальном столике перед ним лежала стопка фотографий: улыбающаяся девушка с длинными темными волосами в строгом закрытом платье, стоящая на фоне местной церкви. Хлоя Миллер. Двадцать лет, студентка колледжа, пропавшая без вести три недели назад.

— Я хотел бы начать с хронологии, — произнес Дэвид, нажимая кнопку записи. Металлический щелчок диктофона заставил мистера Миллера вздрогнуть. — Когда именно вы заметили, что ваша дочь изменилась?

— Она всегда была послушной, — немедленно ответила миссис Миллер, опускаясь на подлокотник кресла мужа. — Мы ограждали ее от греха. В нашем доме нет телевизора, мы не выписываем светские журналы. Хлоя пела в хоре, помогала мне на кухне, готовилась стать достойной женой. А потом... потом в колледже она начала отдаляться.

— Отдаляться как именно? — уточнил журналист, делая пометку в блокноте.

— Стала задавать вопросы, — глухо отозвался отец. В его голосе смешались горечь и затаенная обида. — Спрашивала, почему ей нельзя гулять по вечерам, почему мы контролируем ее расходы. Это были чужие слова, понимаете? Наша

девочка никогда бы не посмела дерзить старшим. Ее разум кто-то захватил.

Тед Патрик отложил моток скотча и выпрямился. В его руках оказалась небольшая картонная коробка, доверху наполненная книгами и аудиокассетами.

— Вот что сформировало эти «чужие слова», — депрограммист подошел к столику и высыпал содержимое коробки прямо перед Дэвидом. — Вы ищете доказательства, репортер? Смотрите.

На полированное дерево с глухим стуком упал потрепанный покетбук Стивена Кинга. Следом полетели несколько аудиокассет без фабричных обложек, подписанных от руки синим маркером: *Sonic Youth, The Cure, Bauhaus*.

Дэвид непонимающе посмотрел на разложенные предметы, затем перевел взгляд на Патрика.

— Книги ужасов и альтернативный рок? — Журналист изогнул бровь. — Хлое двадцать лет. Половина студентов в стране слушает эту музыку и читает Кинга.

— В этом и заключается ваша наивность, — снисходительно улыбнулся Патрик. Он взял кассету Sonic Youth двумя пальцами, словно она была измазана ядом, и продемонстрировал ее родителям. Миссис Миллер тихо ахнула и отвернулась. — Это не просто музыка. Это триггеры сатанинского контроля. Культи больше не заставляют своих жертв пить кровь младенцев на кладбищах. Они действуют тоньше. Они используют диссонансные звуковые частоты и тексты,

разрушающие традиционные моральные установки.

— Вы утверждаете, что группа из Нью-Йорка пишет музыку по заказу сатанистов?

— Я утверждаю, что деструктивные секты используют эти материалы для перекодирования сознания, — отрезал консультант. Его голос зазвучал громче, заполняя комнату поставленными, отрепетированными интонациями. — Мы имеем дело с легионами кровожадных сатанинских культов, стремящихся калечить скот и развращать молодежь. Они проникают в умы через популярную культуру. Сначала девочка приносит в дом эту грязь, а через месяц исчезает в ночи, чтобы стать рабыней в их ритуалах.

Карандаш Дэвида замер над бумагой. Фраза про «легионы кровожадных культов» показалась ему до боли знакомой. Всего пару дней назад, в самолете, он читал свежий информационный бюллетень организации AFF — Американского семейного фонда. Текст в брошюре совпадал с речью Патрика слово в слово. Это был не спонтанный анализ специалиста, а заученный скрипт, шаблонный нарратив, который сейчас продавали убитым горем родителям.

— Мистер и миссис Миллер, — Дэвид повернулся к хозяевам дома, стараясь говорить максимально мягко. — Полиция осматривала комнату Хлои? Они нашли какие-либо физические доказательства существования культа? Адреса, переписку, билеты?

— Полиция слепа! — Отец Хлои наконец-то подался впе-

ред, его лицо пошло красными пятнами. — Детектив сказал, что она совершеннолетняя и имеет право уйти из дома. Он назвал это «сепарацией». Какая сепарация?! Она оставила свою Библию на столе! Она не могла уйти сама. Мы не пожалели пятнадцати тысяч долларов, чтобы нанять лучшего специалиста в стране. Мистер Патрик найдет ее и вырвет из лап дьявола.

Пятнадцать тысяч долларов. В начале восьмидесятых это была стоимость нового автомобиля или первоначальный взнос за дом. Дэвид посмотрел на депрограммиста, ожидая увидеть хоть каплю смущения, но тот лишь удовлетворенно поправил манжеты водолазки.

— Мои услуги стоят недешево, потому что я рискую жизнью, — спокойно пояснил Патрик. — Вытаскивать жертв из сект — это война. И на этой войне нужны радикальные меры. Завтра мы с командой начинаем объезд всех заброшенных складов и оккультных точек в округе.

Журналист снова окинул взглядом гостиную. Идеальная чистота. Ни одной пылинки на полках, ни одной вещи не на своем месте. Даже гора пластиковых коробок, в которые Патрик упаковывал прошлую жизнь Хлои, стояла строго по линейке. В этом доме не было места свободе воли. Любой нормальный подросток, выросший в такой удушающей атмосфере, мечтал бы только об одном — сбежать как можно дальше. И для этого совершенно не требовалось вмешательство сатанистов.

— Скажите, миссис Миллер, — Дэвид решил сменить тактику. — У Хлои были собственные деньги?

Женщина нервно сглотнула и посмотрела на мужа, словно спрашивая разрешения ответить.

— Она подрабатывала в библиотеке, — неохотно произнес отец. — Но мы забирали ее зарплату на хранение. Девушке ни к чему карманные деньги, это ведет к соблазнам. Мы выдавали ей ровно столько, сколько нужно на обед в кампусе.

— Значит, она ушла без сбережений.

— Сектанты обеспечивают своих рабов всем необходимым, — тут же вставил Патрик, перехватывая инициативу. — Ей пообещали новую семью, свободу от родительского гнета. Это классическая приманка. Они ломают личность, создают ложные воспоминания о насилии в семье, чтобы жертва никогда не захотела вернуться.

Дэвид перестал записывать. Нарратив выстраивался слишком гладко, слишком непробиваемо. Родители отказывались верить, что их гиперопека стала причиной побега. Гораздо легче и комфортнее было заплатить колоссальную сумму человеку, который подтвердит их правоту: они идеальные родители, а во всем виноват внешний, невидимый враг. Патрик продавал им не правду. Он продавал им индульгенцию.

— Я закончил с гостиней, — объявил депрограммист, закрывая последнюю коробку. — Миссис Миллер, мне нужно

осмотреть ванную комнату Хлои. Часто они прячут оккультную символику за зеркалами или под раковиной.

— Да, конечно. Я покажу, — хозяйка дома торопливо поднялась и направилась в коридор.

Мужчины вышли из комнаты, оставив журналиста одного. Дэвид выключил диктофон. Воздух в гостиной казался тяжелым, пропитанным чужим самообманом. Встав с дивана, репортер подошел к рабочему месту Патрика. Рядом со стопкой пустых контейнеров стояла плетеная корзина для мусора, куда консультант сбрасывал вещи, не вписывающиеся в его теорию «сатанинского контроля».

Внутри лежали смятые фантики от конфет, исписанные тетрадные листы с конспектами по истории, сломанная заколка для волос. Обычный мусор обычной студентки. Ничего демонического. Ничего, что можно было бы показать на пресс-конференции AFF.

Взгляд Дэвида зацепился за яркое пятно на самом дне корзины.

Оглянувшись на пустой дверной проем — из глубины дома доносился приглушенный голос Патрика, вещающего о скрытых символах, — журналист опустился на одно колено. Он аккуратно отодвинул конспекты и достал находку.

Это был картонный спичечный коробок. Дешевый, слегка потертый по краям, с логотипом в виде стилизованного хвойного дерева. Надпись гласила: *Мотель «Красная сосна».* *Трасса 70. Чистые номера, горячий душ.*

Дэвид знал это место. Мотель находился почти в ста милях от Арвады, высоко в горах, на границе с соседним округом. Совершенно нелогичное место для студентки, у которой не было собственной машины и карманных денег. И уж точно не похожее на тайное логово сатанинского культа, о котором так вдохновенно рассказывал Патрик.

Консультант проигнорировал этот коробок. Вероятно, он нашел его в кармане куртки или на дне рюкзака Хлои, но выбросил, потому что придорожный мотель разрушал стройную картину оккультного похищения. Намного выгоднее было размахивать книгой Стивена Кинга перед напуганными родителями, чем ехать сто миль по обледенелой трассе, чтобы проверить реальную зацепку.

Шаги в коридоре заставили Дэвида действовать инстинктивно. Пальцы быстро сжались, пряча коробок в карман пиджака. Когда мистер Миллер вернулся в гостиную, журналист уже стоял у окна, задумчиво глядя на падающий снег.

— Вы нашли то, что искали для своей статьи? — хмуро спросил отец Хлои, останавливаясь у порога.

— Думаю, да, — медленно ответил Дэвид. Твердые грани спичечного коробка ощущались сквозь ткань пиджака, как единственный реальный предмет в этом доме, полном иллюзий. — У меня появилось направление.

Он не стал прощаться с Патриком. Забрав пальто в прихожей, журналист вышел на крыльцо, глубоко вдыхая ледяной, обжигающий легкие воздух. Снег продолжал засыпать

Арваду, скрывая под белым саваном улицы, машины и чужие тайны. Дэвид сел в промерзший седан, завел двигатель и включил печку на полную мощность. Достав из кармана коробок «Красной сосны», он положил его на приборную панель. Теория о сатанистах стоила пятнадцать тысяч долларов. Правда, скорее всего, не стоила ничего, кроме бензина на дорогу в горы. Журналист включил поворотник и медленно вывел машину на заснеженную трассу. Впереди его ждали сто миль пути.

Глава 2

Пустая комната

Кофейник со стуком опустился на потертую стойку из ламината. Девушка в форменном желтом фартуке смахнула крошки влажной тряпкой, бросила ее в металлическую раковину и только потом подняла глаза на вошедшего.

— Фильтр или эспрессо? — Ее голос звучал глухо, словно она заканчивала вторую смену подряд.

За окнами придорожного дайнера гудели моторы тяжелых грузовиков. Неоновая вывеска мотеля «Красная сосна» мигала красным светом, отбрасывая тревожные блики на мокрый асфальт. Внутри пахло пережаренным маслом, дешевым вишневым сиропом и хлоркой. Дэвид отряхнул снег с ботинок и сел на высокий табурет у стойки.

Перед ним стояла Хлоя Миллер. Никаких строгих закрытых платьев и благочестиво опущенного взгляда, как на

фотографиях в родительской гостиной. Темные волосы были небрежно собраны на затылке с помощью пластикового «краба», на рукаве выцветшей фланелевой рубашки виднелось пятно от горчицы, а под глазами залегли глубокие тени. Но в ее позе не было страха. Она опиралась руками о стойку с уверенностью человека, который находится на своей территории.

— Я не буду заказывать кофе, Хлоя, — произнес Дэвид, доставая из внутреннего кармана пиджака диктофон. Он не стал его включать, просто положил на стол рядом с салфетницей.

Девушка замерла. Тряпка выскользнула из ее пальцев. Из кухни, отодвинув пластиковые жалюзи, выглянул рослый парень в заляпанной жиром футболке. В его руке была зажата кулинарная лопатка, но держал он ее так, словно готовился использовать как оружие.

— Проблемы, милая? — хмуро спросил парень, делая шаг в зал.

— Все нормально, Марк, — Хлоя не отрывала взгляда от журналиста. Она медленно вытерла руки о фартук. — Мой отец прислал вас? Сколько он вам заплатил?

— Ваш отец нанял другого человека. Специалиста, который сейчас упаковывает ваши вещи в коробки и ищет в них скрытые послания, — Дэвид отодвинул диктофон чуть в сторону. — Я репортер. Я нашел спичечный коробок из этого мотеля в вашей мусорной корзине. Тот самый специалист

счел его не заслуживающим внимания.

Напряженные плечи девушки слегка опустились. Она кивнула Марку, и тот, неохотно проворчав что-то себе под нос, скрылся за жалюзи, хотя его тень продолжала маячить у входа в кухню. Хлоя налила себе стакан ледяной воды из диспенсера и сделала большой глоток.

— Значит, папа все-таки вызвал эксперта по сектам, — она издала короткий, горький смешок. — Я так и знала. Ему проще поверить, что меня похитили демоны, чем признать правду.

— А какова правда? — Дэвид кивнул на прибор. — Вы не против, если я запишу наш разговор? Мне нужно подтверждение, что вы находитесь здесь добровольно, иначе полиция рано или поздно объявит вас в федеральный розыск.

Хлоя пожала плечами и сама нажала кнопку записи. Красный индикатор загорелся, фиксируя гул холодильников и звон посуды.

— Правда в том, что я больше не могла там дышать, — девушка оперлась локтями о стойку, глядя на крутящиеся в витрине куски пирога. — Вы видели мой дом? Это не дом. Это карантинная зона. Мой отец контролировал каждую минуту моей жизни. С кем я говорю, что я ем, на что трачу заработанные в библиотеке центы. Он проверял мои конспекты на наличие «богохульных» мыслей. Если я задерживалась после занятий на десять минут, он звонил декану.

— В вашей комнате нашли кассеты с альтернативной му-

зыкай и книги ужасов. Их назвали причиной вашего ухода.

— Это просто музыка, — Хлоя устало потерла переносицу. — Я прятала их под матрасом, как другие прячут наркотики или алкоголь. Для отца любой шаг в сторону от его правил был катастрофой. Последней каплей стали оконные рамы.

Она замолчала, собираясь с мыслями. Тень Марка за жалюзи перестала двигаться — парень тоже прислушивался к разговору.

— За неделю до моего побега отец принес домой металлические шпингалеты, — продолжила девушка, и ее голос дрогнул. — Я проснулась от звука дрели. Он прикручивал замки к окнам в моей спальне. Сказал, что это для моей же безопасности, от уличных воров. Но замки закрывались снаружи. Он превращал мою комнату в камеру. А на следующий день я нашла на кухонном столе открытую брошюру.

— Какую брошюру?

— Реклама исправительного лагеря в Юте. Для «трудных подростков», отбившихся от веры. Там было написано про трудотерапию, изоляцию от внешнего мира и круглосуточный надзор. Отец обсуждал по телефону с кем-то стоимость моего содержания там. Он собирался отправить меня туда силой, чтобы выбить из меня дурь и научить покорности.

Дэвид вспомнил сутулую фигуру мистера Миллера в кресле и его слова о том, что дочь должна была стать «достойной женой». В этой картине мира не было места для са-

мостоятельной личности, только для послушной функции.

— Я слышала истории от других студентов, — Хлоя подавалась вперед, ее глаза лихорадочно блеснули. — У одной девочки из Коннектикута, кажется, ее звали Венди, родители сделали то же самое. Выкрали ее прямо с улицы, потому что им не понравилась церковь, в которую она начала ходить. Ее заперли на три месяца. Перевозили из одного подвала в другой, не давали спать, кричали в лицо сутками напролет, требуя отречься от своих убеждений. Родители потратили десятки тысяч долларов на людей, которые ломали их дочери психику. Я не собиралась ждать, пока за мной придут такие же спасатели. Я собрала рюкзак, забрала свои библиотечные деньги и уехала с Марком.

— Вы никогда не состояли ни в каких тайных обществах? — для протокола спросил журналист.

Девушка раскинула руки, демонстрируя пустой зал дайнера.

— Посмотрите на меня. Я работаю по двенадцать часов в день, подаю яичницу дальнобойщикам и сплю на продавленном матрасе в комнате над гаражом. Мой самый страшный ночной ритуал — это замачивание грязных фартуков в отбеливателе. Но знаете что? Это моя жизнь. Я сама решаю, когда мне выходить на улицу и какие книги читать. И я ни за что не вернусь обратно.

Дэвид выключил диктофон. Запись была исчерпывающей. В ней не было ни капли мистики, ни следа чужого внушения

— только отчаянное желание взрослого человека сбежать от домашней тирании.

— Спасибо, Хлоя, — журналист убрал прибор в карман.
— Я передам вашим родителям, что вы в безопасности и что искать вас бессмысленно.

— Они не поверят, — покачала головой девушка, возвращаясь к раковине. — Им слишком страшно признать, что я сбежала от них, а не от выдуманных монстров.

Дорога обратно в Денвер заняла чуть больше двух часов. Снегопад прекратился, но трасса покрылась коварной ледяной коркой, заставляя Дэвида крепко держать руль арендованного седана. В салоне тихо играло радио, диктор монотонным голосом зачитывал сводку новостей о падении индексов на бирже. Журналист думал о контрасте между двумя мирами. На одном конце трассы — уставшая официантка, зарабатывающая три доллара в час и отстаивающая свое право на свободу. На другом — респектабельный дом в Арваде, где за пятнадцать тысяч долларов разыгрывался дорогостоящий спектакль по поиску невидимых врагов.

Тед Патрик не ошибался. Он не был некомпетентным детективом, упустившим улику. Он профессионально игнорировал реальность, потому что реальность не приносила дохода.

Дэвид нашел консультанта в центре Денвера, в дорогом стейк-хаусе «Дубовая роща». Заведение разительно отличалось от придорожного дайнера. Здесь пахло выдержанным

вином и дорогим парфюмом, свет приглушенно лился из латунных светильников, а шаги тонули в толстом ковре.

Патрик сидел в угловой кабинке, обитой темно-бордовой кожей. Он успел переодеться: вместо черной водолазки на нем была безупречно белая рубашка с расстегнутым воротом. Перед ним стоял бокал красного вина и тарелка с внушительным куском мяса слабой прожарки. Консультант орудовал ножом и вилкой, отрезая ровные, аккуратные куски.

Журналист подошел к столу и, не дожидаясь приглашения, опустился на кожаный диван напротив.

— Вы пропустили отличный ужин у Миллеров, Дэвид, — спокойно произнес Патрик, отправляя в рот кусок мяса. Он даже не поднял глаз. — Миссис Миллер приготовила превосходный ростбиф. Мы закончили опись вещей Хлои. Завтра начинаем объезд заброшенных складов в промышленной зоне.

Дэвид вытащил из кармана диктофон и положил его на белоснежную скатерть рядом с солонкой.

— Можете отменить экскурсию по складам. Она в мотеле на семьдесят первой трассе. Работает официанткой. Живет с автомехаником по имени Марк.

Патрик тщательно прожевал мясо, проглотил, сделал маленький глоток вина и промокнул губы льняной салфеткой. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— И? — вежливо поинтересовался он.

— Никаких тайных обществ. Никаких ночных ритуалов,

— Дэвид подался вперед, опираясь предплечьями о стол. — Девушка просто сбежала от домашнего тирана, который прикручивал шпингалеты к ее окнам и собирался отправить ее в исправительный лагерь. Вы проигнорировали спичечный коробок в ее мусоре, потому что он вел к реальному человеку, а не к вашей выдуманной секте.

Консультант отложил приборы и откинулся на спинку дивана. В тусклом свете латунной лампы его лицо казалось высеченным из камня — спокойным, уверенным и абсолютно безжалостным.

— Вы обвиняете меня в мошенничестве, репортер?

— Я констатирую факт. Вы берете пятнадцать тысяч долларов за поиск призраков. Вы раздуваете паранойю убитых горем родителей, чтобы оправдать свой гонорар.

Патрик тихо рассмеялся. Это был не нервный смех пойманного лжеца, а снисходительное веселье взрослого, слушающего наивные рассуждения ребенка.

— Вы ничего не понимаете в человеческой природе, Дэвид. Люди не хотят слышать правду. Мистеру Миллеру невыносима мысль, что его родная дочь предпочла нищету в придорожном клоповнике жизни под его крышей. Если я приду к нему и скажу: «Ваша дочь сбежала, потому что вы тиран», он вышвырнет меня за дверь и наймет кого-то другого. Спрос на простых врагов рождает предложение.

Патрик снова взял бокал, покрутил его в пальцах, наблюдая, как красная жидкость оставляет маслянистые следы на

стекле.

— Я не продаю им правду. Я продаю им утешительную иллюзию. Я даю им возможность сказать соседям и прихожанам своей церкви: «Мы идеальные родители, это внешний враг украл нашего ребенка». Я сохраняю их социальный статус. Пятнадцать тысяч — это дешево за спасение репутации семьи.

— Вы разрушаете жизнь девушки. Если вы привезете ее обратно силой, это похищение.

— Это забота, — холодно парировал Патрик. — Юридически она может быть совершеннолетней, но психологически она травмирована. И скоро у нас будут все инструменты, чтобы доказывать это в судах.

Консультант наклонился над столом, его голос стал тише, но приобрел жесткие, металлические нотки.

— Вы думаете, я работаю один? Что это локальный бизнес на испуганных фермерах? Вы мыслите слишком мелко. Концепция «промывания мозгов» скоро выйдет за пределы маргинальных групп. Нью-йоркские психологи сейчас дописывают новые методички. Они подводят под это фундаментальную научную базу. Появятся новые термины, новые диагнозы. Через пару лет это будет индустрия с миллионными оборотами.

— Индустрия, построенная на лжи, — Дэвид незаметно нажал кнопку записи на диктофоне.

— Индустрия, построенная на потребности общества в

контроле, — поправил его Патрик. — Страховые компании начнут оплачивать наши консультации. Суды будут лишать опеки тех, кто не вписывается в стандарты правильного мышления. Мы будем лечить целые поколения от несуществующих травм, потому что государству выгодно, чтобы граждане боялись. Боялись сект, радикалов, чужого влияния. Страх делает людей послушными.

Дэвид смотрел на собеседника, чувствуя, как по спине ползет холод. Патрик не оправдывался. Он гордился своей ролью. Он был не просто уличным фокусником, вытягивающим деньги из доверчивых простаков. Он ощущал себя частью огромной, набирающей силу системы.

— Вы фабрикуете жертв, — медленно произнес журналист. — Вы заставляете людей верить в то, чего не было.

— Они сами хотят в это верить, — Патрик отрезал еще один кусок стейка. — Знаете, кто наши лучшие союзники? Перебежчики. Те самые студенты, которые помыкались по мотелям, устали мыть посуду и решили вернуться домой. Им стыдно признаться, что они просто не справились с самостоятельной жизнью. И тогда мы предлагаем им сделку.

Консультант указал вилкой на диктофон, давая понять, что прекрасно видит работающий индикатор записи, но его это совершенно не волнует.

— Мы говорим им: либо ты продолжаешь утверждать, что ушел сам, и тогда мы найдем способ обвинить тебя в краже или наркоторговле. Тюрьма — отличный аргумент. Ли-

бо ты признаешь себя пострадавшим. Ты говоришь, что тебе промыли мозги. Что тебя удерживали силой. И внезапно ты больше не неудачник. Ты — выживший. Герой-мученик. Мы делаем из них лекторов. Они ездят по стране, выступают на семинарах, рассказывают со сцены, как жестоко их ломали. Восемьдесят процентов выбирают сцену, Дэвид. Потому что быть жертвой в этой стране скоро станет очень выгодно.

Дэвид молчал. Запись на пленке фиксировала каждое слово, но теперь журналист понимал правоту Патрика. Ни один суд не примет эту пленку. Ни один редактор крупной газеты не захочет публиковать статью, защищающую «сатанистов» и обвиняющую респектабельных борцов с культами в шантаже. Общество уже было подготовлено к другому нарративу.

— Вы можете публиковать свои заметки про мотель, — Патрик отправил мясо в рот и удовлетворенно зажмурился. — Родители, которые мне платят, не читают расследований. Они читают наши буклеты. Маховик уже запущен, репортер. И вы не сможете его остановить.

В стейк-хаусе продолжала играть тихая джазовая музыка. Официанты бесшумно разносили подносы с дорогими блюдами. Тед Патрик жестом подозвал метрдотеля и заказал двойной эспрессо, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена. Дэвид смотрел на вращающуюся кассету внутри диктофона, осознавая, что история Хлои Миллер была лишь крошечным, незначительным винтиком в механизме, истинные масштабы которого ему еще только предстоя-

ло осознать. Журналист остановил запись, забрал прибор со стола и поднялся, оставив консультанта наедине с его идеальным ужином.

Глава 3

Архитекторы истерии

Глухой свист микрофона на секунду перекрыл гул сотен голосов, отражаясь от позолоченной лепнины бального зала отеля «Палмер Хаус». Под хрустальными люстрами чикагской гостиницы собралась публика, бесконечно далекая от маргинальных собраний или эзотерических кружков. Пространство между массивными колоннами заполнили люди в строгих деловых костюмах, полицейской форме и скромных платьях социальных работников.

Дэвид поправил на лацкане пиджака пластиковый бейдж с надписью «Пресса», выданный на имя репортера несуществующего профильного издания. Проникнуть на закрытую ежегодную конференцию Американского семейного фонда оказалось на удивление просто — организаторы были слишком заняты масштабом мероприятия, чтобы тщательно проверять аккредитации. На столах у входа возвышались стопки глянцевых папок. Масштаб происходящего поражал. Это была не просто встреча обеспокоенных граждан, а полноценная отраслевая выставка, где формировались новые стандарты работы для всей правоохранительной и социальной системы страны.

Журналист занял место в последнем ряду, подальше от юпитеров, освещающих сцену, и открыл тяжелую папку из мелованного картона. На обложке значилось: *Satanism Information Packet*. Внутри лежали десятки страниц плотного текста, графиков и методических указаний.

Первым документом оказался «Контрольный список поведенческих признаков». Дэвид начал читать вдумчиво, водя пальцем по строкам. Авторы инструкции предлагали терапевтам и школьным психологам обращать внимание на малейшие отклонения в поведении подростков. Если ребенок рисовал на полях тетради определенные геометрические фигуры, если он становился замкнутым после выходных или, наоборот, проявлял внезапную агрессию к сверстникам — все это классифицировалось как возможные последствия участия в тайных оккультных ритуалах. Никаких полутонув. Никаких поправок на переходный возраст, стресс от учебы или банальные конфликты в семье. Любой протест объявлялся симптомом внешнего, злонамеренного вмешательства.

Следующая страница содержала рекомендации по работе с такими детьми. Документ прямо указывал, что жертвы часто не помнят травмирующих событий из-за глубокого шока. Для извлечения скрытой правды настоятельно рекомендовалось использовать регрессивный гипноз. Терапевт должен был погрузить пациента в транс и целенаправленно искать подавленные воспоминания о насилии, опираясь на тот

самый контрольный список.

Дэвид перевернул страницу, углубляясь в библиографию. За годы работы в исследовательской журналистике он привык проверять источники. Сноска на странице четырнадцать вела к статье в информационном бюллетене другой профильной организации — Cult Awareness Network. Журналист открыл приложение с копией этой статьи. В тексте CAN, в свою очередь, авторы ссылались на научные публикации журнала, издаваемого самим Американским семейным фондом. Третья брошюра в пакете опиралась на статистику обеих организаций, преподнося ее как независимое подтверждение глобальной угрозы.

Это был идеально выстроенный, герметичный круг. Организации ссылались исключительно друг на друга, создавая иллюзию масштабного академического консенсуса. Никаких независимых криминалистических отчетов, никаких данных от сторонних социологов. Псевдоэкспертиза питала сама себя, разрастаясь с каждой новой публикацией и приобретая вес непререкаемой истины просто за счет многократного цитирования.

На самом дне папки обнаружился тонкий буклет с финансовой отчетностью фонда за прошедший год. Документ предназначался для потенциальных спонсоров и содержал общие графики распределения бюджета. Внимание Дэвида привлек раздел грантов. Наряду с ожидаемыми пожертвованиями от частных американских лиц и консервативных хри-

стианских объединений, значительная часть бюджета — сотни тысяч долларов — поступала от анонимных европейских трастов. Названия юридических лиц отсутствовали, скрываясь за общими формулировками о «международной поддержке инициатив по защите семьи».

Зачем некоммерческим структурам по ту сторону Атлантики вливать такие огромные суммы во внутреннюю американскую социальную проблему? Финансовый поток выглядел слишком мощным и слишком скрытным для обычной благотворительности.

Свет в зале плавно погас, оставив освещенной только сцену. Разговоры мгновенно стихли. Из-за кулис к трибуне уверенным шагом подошел доктор Майкл Лангони, исполнительный директор фонда.

Он совершенно не походил на телевизионных проповедников или городских сумасшедших, вещающих о конце света. Лангони выглядел как декан престижного университета: безупречно скроенный темно-синий костюм, аккуратная седина на висках, спокойная, располагающая улыбка. Он поправил микрофон и окинул взглядом притихший зал.

— Дамы и господа, коллеги, — его голос звучал глубоко и размеренно, заполняя каждый угол огромного помещения. — Мы собрались здесь сегодня, потому что наша страна столкнулась с угрозой, которую многие из нас отказываются замечать. Мы привыкли доверять тому, что видим. Мы ищем отпечатки пальцев, орудия преступления, свидетелей.

Но что делать, если преступление совершается в разуме?

Аудитория слушала затаив дыхание. Полицейские в первых рядах достали блокноты.

— В октябре восемьдесят шестого года наши коллеги из чикагского офиса не зафиксировали ни одного звонка, связанного с оккультной деятельностью, — продолжил Лангони, опираясь руками о края трибуны. — Ровно через два года, в октябре восемьдесят восьмого, таких обращений было уже триста девять. Сигналы поступают из всех пятидесяти штатов. Это больше не локальная проблема. Это сеть, проникающая во все слои нашего общества.

Доктор сделал выверенную паузу, позволяя цифрам осесть в умах слушателей. Дэвид смотрел на профили людей, сидящих впереди. Социальные работники одобрительно кивали. Для них этот человек на сцене предлагал простую, понятную парадигму, снимающую ответственность с неблагополучных семей и перекладывающую вину на невидимую, вездесущую силу.

— Скептики часто задают мне один и тот же вопрос, — Лангони слегка улыбнулся, словно делясь с залом профессиональной шуткой. — Они спрашивают: «Доктор, если эта сеть так огромна, где же тела? Где материальные доказательства?» И этот вопрос выдает их абсолютную наивность. Мы имеем дело с горизонтальным заговором высочайшего уровня секретности. Отсутствие улик — это не доказательство невиновности. Это доказательство профессионализма пре-

ступников.

Дэвид почувствовал, как напряглись мышцы спины. Оратор только что блестяще перевернул базовый принцип презумпции невиновности. В этой новой логике отсутствие доказательств становилось главным аргументом обвинения.

— Я обращаюсь к офицерам правоохранительных органов в этом зале, — Лангони указал рукой на первые ряды. — Вы — наш авангард. Вы должны научиться видеть то, что скрыто. Если к вам поступает сигнал, если обеспокоенные родители приходят и говорят, что их ребенок изменился, вы обязаны относиться к этому со всей серьезностью. Даже если при обыске вы находите только странные рисунки и музыкальные записи. Не ждите, пока появится тело. Действуйте на опережение.

Презентация на экране позади спикера сменилась. Появились фотографии изъятых тетрадей, обложек музыкальных альбомов и списки литературы. Дэвид узнал среди них те же самые названия, что видел в коробках Теда Патрика в Колорадо.

— Наша задача — обучить вас распознавать эти маркеры, — голос Лангони приобрел стальные нотки. — Мы подготовили для вас методические материалы. Мы предоставляем вам доступ к лучшим терапевтам, владеющим техниками восстановления памяти. Только вместе мы сможем вытащить правду из подсознания пострадавших и привлечь виновных к ответу.

Зал взорвался аплодисментами. Люди вставали со своих мест. Это был триумф. Лангони не просто читал лекцию — он давал индустрии правоохранительных органов новую цель, новые бюджеты и новые полномочия.

После оваций модератор объявил сессию вопросов и ответов. В проходах между креслами установили микрофоны на высоких стойках. К ним тут же выстроились очереди из желающих задать вопрос или выразить благодарность.

Дэвид поднялся со своего места в последнем ряду. Он двигался быстро, обходя стоящих людей, пока не оказался вторым в очереди к центральному микрофону. Перед ним грузный мужчина с полицейским жетоном на поясе спрашивал о сроках проведения выездных семинаров для детективов. Лангони отвечал вежливо и обстоятельно.

Когда подошла очередь журналиста, он крепко взялся за холодный металл стойки. Свет юпитеров бил в глаза, ослепляя.

— Дэвид Эймс, независимый репортер, — громко произнес он. Гудение в зале немного стихло. — Доктор Лангони, в ваших материалах сказано, что отсутствие улики доказывает абсолютную секретность культов.

— Совершенно верно, мистер Эймс, — кивнул спикер, прищурившись из-за света софитов.

— Несколько дней назад я общался с одной из так называемых жертв в Колорадо, — Дэвид говорил четко, не позволяя себе сбиться с ритма. — Двадцатилетняя студентка,

чьи родители наняли специалиста из дружественной вам организации для ее поиска. Специалист обнаружил в ее комнате книги и кассеты, точно такие же, как на ваших слайдах, и объявил это оккультным похищением.

Лангони стоял неподвижно. Его лицо сохраняло вежливое выражение, но глаза стали холодными и внимательными.

— Суть вопроса, репортер? — мягко поторопил модератор.

— Суть в том, что девушка никем не похищалась, — голос Дэвида разнесся по бальному залу. — Она сбежала от отца, который прикручивал к ее окнам шпингалеты снаружи и собирался отправить ее в исправительный лагерь. Она работает официанткой в придорожном дайнере. Я нашел ее по спичечному коробку, который ваш специалист выбросил в мусор, потому что реальность не вписывалась в его теорию.

По залу прокатился недовольный ропот. Несколько человек обернулись к Дэвиду, смерив его враждебными взглядами.

— Мой вопрос заключается в следующем, — журналист повысил голос, перекрывая шум. — Какую часть из этих трехсот девяти обращений в вашу статистику составляют обычные сбежавшие подростки? И не является ли ваша концепция «абсолютной секретности» просто удобным прикрытием для фабрикации дел, чтобы оправдать пожертвования от анонимных европейских трастов, упомянутых в вашем отчете?

Тишина, повисшая в зале, была осязаемой. Доктор Лангони медленно наклонился к своему микрофону. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Вот яркий пример того, о чем я говорил в начале своего выступления, — тон спикера оставался академически ровным, но в нем зазвучало снисхождение. — Скептицизм, который становится соучастником насилия. Вы нашли одну травмированную девушку, которая, находясь под глубоким контролем сознания, отрицает очевидное. Это классическая реакция жертвы. И вместо того, чтобы помочь ей получить квалифицированную терапию, вы используете ее трагедию для дешевых сенсаций.

Аудитория одобрительно загудела. Кто-то в передних рядах захлопал.

— Терапию, которая внушит ей то, чего никогда не было? — Дэвид не собирался отступать, но микрофон в его руках внезапно отключился, издав короткий щелчок.

— Мы не будем тратить время уважаемых специалистов на провокации желтой прессы, — отрезал модератор. — Следующий вопрос, пожалуйста.

Краем глаза журналист уловил движение сбоку. Двое мужчин в темных костюмах с бейджами организаторов быстро шли по проходу прямо к нему. Впереди двигался высокий, широкоплечий человек с короткой армейской стрижкой. За его ухом висел прозрачный провод наушника, а челюсти ритмично перемалывали жевательную резинку.

— Сэр, ваша аккредитация аннулирована, — начальник охраны подошел вплотную. — Прошу на выход.

— Я сам найду дорогу, — Дэвид попытался отстраниться, но жесткие пальцы охранника уже сомкнулись на его локте, сдавив сустав с профессиональной, болезненной силой.

Второй мужчина встал с другой стороны, отрезая путь к отступлению. Журналиста фактически оторвали от пола и быстро повели к боковой двери, подальше от центрального прохода. Никто из присутствующих в зале не обратил на это внимания — все взгляды снова были устремлены на сцену, где доктор Лангони продолжал отвечать на вопросы о важности раннего выявления оккультных угроз.

Боковая дверь распахнулась, и Дэвида вытолкнули в тускло освещенный служебный коридор. Гул конференции мгновенно отрезало толстой звукоизоляцией.

— Бейдж, — коротко потребовал начальник охраны, протягивая ладонь.

Журналист молча отстегнул пластиковый прямоугольник от лацкана и бросил его в подставленную руку.

— Вы на частной территории. Если попытаетесь вернуться, мы вызовем полицию и оформим незаконное проникновение, — охранник спрятал бейдж в карман. — Прямо по коридору, затем налево. Там служебный выход.

Путь по запутанным коридорам отеля занял несколько минут. Это была изнанка роскошного фасада, скрытая от глаз респектабельной публики.

Тяжелая металлическая дверь с надписью «Только для персонала» поддавалась с трудом. Дэвид толкнул ее плечом и оказался в узком чикагском переулке. Ледяной ветер с озера Мичиган ударил в лицо, мгновенно выстуживая тепло, накопленное в бальном зале. Дверь за его спиной с лязгом захлопнулась, и щелкнул автоматический замок.

Журналист поднял воротник пальто, глядя на глухую кирпичную стену напротив. Проникновение на конференцию дало ему главное: понимание структуры. Тед Патрик в Колорадо был лишь рядовым исполнителем, чернорабочим страха. Настоящие архитекторы этой истерии носили дорогие костюмы, читали лекции с трибун и управляли миллионными бюджетами. Они создали замкнутую систему, в которой полиция, суды и психологи начинали работать по одним и тем же выдуманнным правилам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.